

Изъ воспомина- ній М. Горькаго.

Только что вышла отдѣльнымъ изданіемъ книга Горькаго „Дѣтство“, (издательство „Жизнь и Знаніе“, Петроградъ, 1915, ц. 1 р. 25 коп.), автобіографическія воспоминанія знаменитаго писателя-нижегородца. Они написаны ярко и выпукло и содержатъ цѣлую хронику семьи Кашириныхъ, нижегородскихъ мѣщанъ, къ которой по матери принадлежалъ Горькій. Это богатый матеріалъ для исторіи развитія писателя, и въ то же время—любознѣтнѣйшія бытовые картины—скажутъ правду, очень мрачныя: жизнь нашего мѣщанства въ изображеніи Горькаго полна безсознательной жестокости, взаимнаго озлобленія и всяческой темноты. „Свиница вывѣрости дикой русской жизни“ почти гасятъ надежды на возрожденіе наше „къ жизни свѣтлой, человѣческой“, въ которое тѣмъ не менѣе твердо вѣритъ писатель; вѣритъ—между прочимъ—потому, что въ самой этой дикой жизни встрѣтилъ и полюбилъ и сильныя и добрыя натуры, какъ его бабушка, его отецъ, котораго онъ, впрочемъ, знаетъ только по рассказамъ, и нѣкоторыя другія фигуры.

Мы приведемъ двѣ-три странички воспоминаній Горькаго, связанныхъ съ его пребываніемъ въ начальной школѣ въ Канавинѣ.

„Я пришелъ туда въ материныхъ башмакахъ, въ падытишкѣ, перешитомъ изъ бабушкиной кофты, въ желтой рубахѣ и штанишкахъ „на выпускъ“; все это сразу было осмѣяно, за желтую рубаху я получилъ прозвище „бубнового туза“. Съ мальчиками я скоро поладилъ, но учитель и попъ не возлюбили меня“.

Между ними началась настоящая дѣтская война, въ которой всѣ невыгоды были, конечно, на сторонѣ озорника-школьника. Несмотря на сносное ученіе, ему стали грозить исключеніемъ, но неожиданно помощь явилась вслѣдствіе визита въ школу тогдашняго нижегородскаго преосвященнаго епископа Хрисанфа. Авторъ ряда историческихъ и апологетическихъ трудовъ: „Религіи востока“ и др., епископъ Хрисанфъ (въ мѣрѣ Владимиръ Николаевичъ Ретивцевъ) въ Нижнемъ былъ недолго (съ 8 декабря 1877 года до 23 мая 1879 г.). Въ примѣчаніи къ своему разсказу Горькій вспоминаетъ, что сильное впечатлѣніе произвела на него проповѣданная въ юности одна публицистическая статья епископа Хрисанфа, на тему о бражѣ и нравственности. О посѣщеніи школы епископомъ Горькій передаетъ необыкновенно тепло, такъ что обликъ этого замѣчательнаго человѣка встаетъ въ чрезвычайно

тѣй—добавляетъ писатель), въ широкой черной одеждѣ сѣлъ за столъ, высвободилъ руки изъ рукавовъ и сказалъ:

— Ну, давайте бесѣдовать, дѣти мои!—въ классѣ сразу стало тепло, весело, повѣяло незнакомомъ пріятнымъ.

Вызвавъ послѣ многихъ меня къ столу, онъ спросилъ серьезно:

— Тебѣ который годъ? Только-о? Какой ты, братъ, длинный, а? Подъ дождями часто стоялъ, а?

Положивъ на столъ сухонькую руку, съ большими острыми ногтями, забравъ въ пальцы непышную бородку, онъ уставился въ лицо мнѣ добрыми глазами, предложивъ:

— Ну-ко, разскажи мнѣ изъ священной исторіи, что тебѣ нравится?

Когда я сказалъ, что у меня нѣтъ книги и я не учу священную исторію, онъ поправилъ клубокъ и спросилъ:

— Какъ-же это? Вѣдь это надобно учить! А можетъ, что-нибудь знаешь, слышалъ? Псалтырь знаешь? Это хорошо! И молитвы? Ну, вотъ видишь! Да еще и житія! Стихами! Да ты у меня знающій.

Явился нашъ попъ, красный, запыхавшійся, епископъ благословилъ его, но когда попъ сталъ говорить про меня, онъ поднялъ руку, сказавъ:

— Позвольте; минутку... Ну-ко разскажи про Алексѣя, человѣка Божія..

— Прехорошіе стихи, братъ, а!—сказалъ онъ, когда я приостановился, забывъ какой-то стихъ.—А еще что-нибудь? Про царя Давида? Очень послушаю!

Я видѣлъ, что онъ действительно слушаетъ, и ему нравятся стихи; онъ спрашивалъ меня долго, потомъ вдругъ остановилъ, освѣдомляясь быстро:

— По псалтырю учился? Кто училъ? Добрый дѣдушка-то? Злой? Неужто? А ты очень озорничаешь?

Я замолчалъ, но сказалъ—да. Учитель съ попомъ многословно подтвердили мое сознание, онъ слушалъ ихъ, опустилъ глаза, потомъ сказалъ, вздохнувъ:

— Вотъ что про тебя говорятъ—слыхалъ? Ну-ко, подойди!

Положивъ на голову мнѣ руку, отъ которой исходилъ запахъ кипарисоваго дерева, онъ спросилъ:

— Чего же это ты озорничаешь?

— Скушно очень учиться.

— Скушно? Это, братъ, не вѣрно, что-то. Было-бы тебѣ скушно учиться—учился бы ты плохо, а вотъ учителя свидѣтельствуютъ, что хорошо ты учишься. Значить, есть что-то другое.

Вынувъ маленькую книжку изъ-за пазухи, онъ записалъ:

— Прішловъ, Алексѣй. Такъ. А ты все-

го то досадно людямъ бываетъ! Такъ-ли я говорю, дѣти?

Множество голосовъ весело отвѣтили: „такъ!“

— Вы сами то вѣдь не много озорничаете?

Мальчишки, ухмыляясь, заговорили:

— Нѣтъ. Тоже много! Много!

Епископъ отклонился на спинку стула, гримасилъ меня къ себѣ и удивленно сказалъ, такъ, что всѣ—даже учитель съ попомъ—засмѣялись:

— Экое дѣло, братцы мои, вѣдь и я тоже въ ваши то годы великимъ озорникомъ былъ! Отчего-бы это, братцы?

Дѣти смѣялись, онъ разспрашивалъ ихъ, ловко путая всѣхъ, заставляя возражать другъ другу и все усугублялъ веселость. Наконецъ, всталъ и сказалъ:

— Хорошо съ вами, озорники, да пора бхать мнѣ!

Поднявъ руку, смахнувъ рукавъ къ плечу и, крестя всѣхъ широкими взмахами, благословилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, благословляю васъ на добрые труды! Прощайте.

Всѣ закричали:

— Прощайте, владыко! Опять пріѣзжайте. Кивая клубукомъ, онъ говорилъ:

— Я—пріѣду, пріѣду! Я вамъ книжекъ привезу!

И сказалъ учителю, выходя изъ класса: — Отпустите-ка ихъ домой!

Онъ вывелъ меня за руку въ сѣни и тамъ сказалъ тихонько, наклонясь ко мнѣ:

— Такъ ты—сдерживайся, ладно? Я вѣдь понимаю, зачѣмъ ты озорничаешь! Ну, прощай, братъ!

Я былъ очень взволнованъ, какое-то особенное чувство кипѣло въ груди, и даже—когда учитель, распустивъ классъ—оставилъ меня и сталъ говорить, что теперь я долженъ держаться тише воды, ниже травы,—я выслушалъ его внимательно, охотно.

Попъ, надѣвая шубу, ласково гудѣлъ:

— Отнынѣ ты на моихъ урокахъ долженъ присутствовать! Да. Долженъ. Но—сиди смиренно! Да. Смирно.

Поправилъ дѣла мои въ школѣ“ ...

Ограничиваемся этою сценкою, связанною съ выдающимся въ то время въ Нижнемъ человѣкомъ. „Дѣтство“ Горькаго заставить еще говорить о себѣ. Рекомендуемъ книгу, между прочимъ, вниманію педагоговъ, имѣющихъ дѣло съ этою толпою дѣтей городскихъ низовъ. Сколько безнадежныхъ озорниковъ, можетъ быть, нуждаются здѣсь въ томъ ласковомъ словѣ, которымъ пріѣтилъ будущую знаменитость только случайно захватившій въ школу ученый архіерей